

Андрей Кузечкин

Огни Алькасара

ФТМ

Андрей Кузечкин

Огни Алькасара

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Где-то в провинциальном городке, в районе под неофициальным названием «Больничка» началось нашествие оживших мертвецов. Женя Остапенко оказывается в самом эпицентре событий. Теперь Жене нужно совершить путешествие через весь район и спасти любимую девушку. Но интрига не в этом, а в том, кем же на самом деле является Женя...

Андрей Кузечкин

Огни Алькасара

Парк Мечникова – уютный островок вечности.

Здесь всё сделано на века: толстые чугунные решётки, мощенные камнем дорожки, монументальные деревянные скамьи, которые вшестером не поднять. Неповоротливые урны похожи на мортиры. Сквозь щели между камнями пробивается трава, но сами камни вросли в землю намертво.

Дорожки сходятся в центре парка. Маленькая площадка, деревянная сцена в человеческий рост.

Я слышу музыку и замедляю шаг.

На помосте, свесив ноги, сидят двое, в странных костюмах, похожих на разноцветные пижамы. Оба – бородатые. Один, плотный, с короткой густой бородой, мясистыми ладонями обрабатывает обвязанный верёвками барабан, зажатый между коленей. Другой, стройный, с жиденькой бородёнкой, играет на струнном инструменте с маленькой круглой декой и очень длинным грифом.

Будто какой-то копытный зверь не очень быстро бежит, при этом громко разматывает проволоку. Вот такая музыка.

Вокруг потихоньку скапливается народ. Группа пацанов в кожаных куртках поверх спортивных костюмов смотрит на музыкантов с благоговейным молчанием. Лишь один, самый младший, с зелёным шарфом – наверняка намотанным на

его шею заботливой бабушкой – время от времени говорит: «Во дают» и тут же оглядывается на остальных, ожидая согласия.

Круглоголовый толстяк в синей пятнистой униформе проходит мимо, бросает мрачный взгляд, что-то бурчит.

Немолодая грузная мамаша подводит поближе к сцене не по погоде укутанного ребёнка – ходячий комочек тряпья с глазами. Старуха с суровым лицом бормочет: «Сектанты какие-то, что ли... Развелось-то их», но никуда не уходит.

Позади старухи стоит Федя Кашпировский. Меня не замечает: внимательно смотрит из-под густых белёсых бровей на музыкантов, точнее, на их руки. То на одну, то на другую пару стремительных рук. Будто надеется увидеть ноты, которые выстреливаются в воздух от соприкосновения пальцев со струнами и тугой барабанной кожей.

Я шарю взглядом под ногами у нездешнего дуэта в поисках шляпы, или раскрытого футляра или ещё чего-нибудь, куда, по замыслу музыкантов, слушатели должны кидать мелочь.

Ни футляра, ни шляпы. Ничего.

Получается, эти вроде бы русские парни в костюмах неясной этнической принадлежности играют для собственного удовольствия. Странно. Страннее, чем то, что они материализовались в центре Больнички, и, тем более чем то, что их до сих пор не побил местная молодёжь.

Хотя молодёжь стоит, будто загипнотизированная. Им по-

ка что интереснее слушать этих парней, чем бить их. Сила искусства!

Да чего там, в Больничке и не таких видали.

Здесь у каждого второго шарики с роликами не на месте. Как у Сани Батурина.

Он позвонил мне полчаса назад. Был, всхлипывал.

Из всхлипываний можно было понять – точнее, составить из отдельных слов и их перепутанных обрывков – что Саня просит срочно с ним встретиться и что его надо немедленно спасти, а то жена не пустит домой.

Встретиться мы решили в парке.

Что там опять у Сани? Телефон украли или деньги? Или не украли – потерял? С ним может случиться всё что угодно. Такой уж он.

Сидит на скамейке, рыдает в голос. Трёт кулаком глаза, сняв очки. Окружающих несколько не стесняется, хотя все прохожие на него пялятся. Мамаи что-то шепчут своим детям. Мол-де, смотрите, как недостойно дядя себя ведёт.

Взрослый дядя. Семейный. Небрыйтый. Дяде двадцать пять, но когда не побреется, можно и все сорок дать.

Одет в камуфляжные штаны и телогрейку. Рядом удочка стоит.

Сажусь рядом. Терпеливо жду, пока тот заметит меня и перестанет рыдать. Делаю вид, что я его вообще не знаю – так, отдохнуть захотелось, а свободных лавочек нет.

Перестав рыдать, Саня начинает икать.

– Женька... Ик! Спасай... Ик!

Всё-таки заметил.

– Что опять? – спрашиваю я, заранее решив ничему не удивляться.

– Да мы тут... Ик! На рыбалку пошли с Вадей...

Саня икает пулемётной очередью и умолкает. Наверное, патроны кончились.

– На рыбалку? С Вадей? Уже интересно.

– А я вчера зарплату получил. Она у меня вся в кошельке лежала... А Вадя это увидел... И, такой, говорит: «Давай в «русскую рулетку» на деньги сыграем?» И револьвер достаёт...

– Наган? – Я уже знаю ответ.

– Ага, наган. Я такой: не, страшно... А мы сидим на берегу озера, никого нету, тишина. Он такой: «Страшно? А я уже не боюсь вообще ничего, вся моя жизнь давно пропита». И достаёт из нагана одну пулю. Одну, – повторяет Саня, оттопырив волосатый указательный палец с грязью под ногтем. – Было семь, осталось шесть. И он такой: «Жизнь против кошелька». Я такой: чего? Он такой: «Сейчас я с тобой сыграю. Если выиграю – ты мне весь свой кошелек отдашь. Ну, а если проиграю, сам понимаешь...»

– И ты согласился.

– Мы там маленько приняли... Я немного не соображал – думал, он шутит. Согласился, короче. Он крутнул барабан... подождал, пока остановится... А потом, такой, раз – к виску

приставил и нажал... И ничего. Только щёлкнуло. Я аж дышать перестал. Одна мысль была: в чём подвох-то? Ведь не может же быть... Ведь приколы какой-то! А он вдруг прицелился в пустую бутылку да как шмальнёт! Бутылка вдребезги. А я, такой, вообще чуть с дуба не рухнул. Сижу, вообще ни хрена не соображаю. А он, такой, схватил мой кошелёк, удочку свою, сумку – и всё. Ушёл.

По его физиономии, заросшей жёсткими чёрными волосами, снова катятся слёзы.

– А ты и не возражал, да, что он всю твою зарплату забрал?
– Ну, он же честно... выиграл. Он жизнью рисковал.
– Зачем ты вообще с собой эти деньги поволок на рыбалку?

– Вчера забыл вынуть из кошелька. А кошелёк забыл вынуть из кармана...

– Забыл! А жена почему забыла? Она же у тебя все деньги забирает, нет?

– Она думала, что мне в понедельник дадут. А мне вчера да... да-а... ли-и-и-и-и... – Саня вновь срывается на рыдания.

Говорить он больше не может. Он и так достаточно сказал. Нет, это точно: такая история могла произойти только с Саней. Зачем-то потащить с собой на рыбалку всю зарплату, а потом попасться на старый трюк, который знает вся наша бывшая тусовка, кроме него – тут нужно быть не просто неудачником, а талантливым неудачником. Гением сре-

ди неудачников.

Саня такой и есть. Его дар – самому себе создавать проблемы, самым изощрённым способом.

– Жень, дай займы-ы-ы-ы... – мычит он.

– Сиди здесь, кровосос. Скоро вернусь, – приказываю я.

Парк находится в самом центре микрорайона Больничный или просто Больнички, рядом с самой больницей. Я выхожу за чугунную ограду парка и иду вдоль другой ограды – проволочно-сеточной, напоминавшей, как и торчащие над ней мрачные серые корпуса больницы, о военной базе или даже тюрьме.

С одной стороны к больнице подступают двухэтажные дома, похожие на бараки. С другой – маленькие частные домики. Смесь рабочего посёлка и деревни. Мрачная, пахнувшая гнилым деревом и спиртом.

Из других районов сюда побаиваются соваться. Но я родом отсюда. Даже могу позволить себе прогуляться в старой засаленной косухе, берцах, напульсниках и прочей неформальской атрибутике. Меня знают. Никакая шпана не докопается: сразу признают и отпустят. В худшем случае – стрельнут сотку.

Да что-то не видать никого. Только у одного подъезда трутся двое перезрелых парней с одинаковыми красными одутловатыми физиономиями и в одинаковых спортивных костюмах. Будто близнецы. Да они есть близнецы. Как же их там?.. Братья Дорохины, что ли.

До дома, где живёт Вадим, рукой подать. Крайний справа по улице Медицинской. Слева – больничная ограда.

...А далеко впереди, над крышами жалких домов Больнички возвышаются красно-белые, изящные, идеальные башни Алькасара...

У входа в подъезд на лавочке сидит и курит молодая женщина. Молодая – если судить по фигуре. Мини-юбка не по погоде, сетчатые чулки на длинных ногах, короткая курточка, под которой угадывается крупная грудь. Волосы собраны в два хвостика, как у школьницы. Глаза густо накрашены.

У неё нет зубов. Кажется, вообще ни одного. Рот провален, как у старухи.

Отвратительно. Будто таракан на праздничном торте.

После Алькасара Больничка кажется другой планетой. Я теперь нечасто бываю на этой планете.

Поднимаюсь на второй этаж. Дверь квартиры приоткрыта – значит, Вадим дома.

И правда: сидит в прокуренной кухне напротив входной двери со злополучным наганом в руке. На столе перед хозяином – целый космодром бутылок, словно ракет, нацеленных в потолок. Сам Вадим, судя по всему, ещё не улетел. Хотя в его случае трудно делать выводы: мутный толстяк. То добрый, то вредный, то проводит время в безделье и пьянстве, то вдруг берётся за ум и начинает зарабатывать приличные деньги. Даже когда-то женат был на очень симпатичной, стройной девушке, которая мне нравилась. Говорят, сбежала

от него, потому что он её по пьяни отколотил. Или она его. В общем, непредсказуемый тип.

А лицо у него всегда одинаковое, серьёзное и слегка раздражённое, трезвый или нет, в хорошем ли он настроении или дурном, смотрит ли фильм или сидит с удочкой на берегу озера.

– Женька... – шепелявит Вадим. Вот и всё приветствие.

– Опять людей на бабки разводишь? – добродушно интересуюсь я.

– Развожу. «Оставлять простакам их деньги безнравственно», – кто так говорил? Рокфеллер? – Вадим откидывает барабан нагана, вытаскивает один патрон.

– Не помню.

– Вот и я не помню, – хозяин прижимает наган барабана к предплечью, чтобы с силой крутануть.

– А всё-таки денежки придётся вернуть, – мягко говорю я.

Вадим молча дожидается, пока барабан остановится. Встряхивает оружие в руке – легонько, но заметно. Приставляет к виску и нажимает на спуск.

Раздаётся громкий щелчок. Я даже не вздрагиваю: видели мы это представление уж раз двадцать.

Вадим кивает сам себе:

– Пусто. А почему?

– Потому что барабан нагана вращается свободно, в отличие от большинства других револьверов. В хорошо смазанном нагане под действием силы тяжести пустое гнездо для

патрона окажется сверху... – отбарабаниваю я, как школьник у доски.

– Молодчина! Садись, наливай.

Сажусь рядом, но не наливаю.

– Ведь что интересно, Женя... – Вадим наводит наган на люстру, прищуривается. Детская шепелявость не добавляет ему обаяния – скорее, наоборот. – Это наган образца 1895 года... То есть, его придумали сто двадцать пять лет назад. Что такое сто двадцать пять лет? Это гигантский срок. Полторы человеческих жизни. Но! Этот наган всё ещё годится на то, чтобы из него человека грохнуть. И меня, и тебя. И даже мента.

– Копа, – поправляю я. – Деньги на бочку, Вадь.

– А если не отдам?

– Тогда солью инфу участковому, что у тебя хранится неучтённый ствол.

– Не просто ствол – раритет!

– ...В идеальном рабочем состоянии. Сам сказал – можно мента грохнуть. Так и скажу: планировал расправу над сотрудниками полиции. Помогу повысить раскрываемость.

Вадим внимательно смотрит мне в глаза со своим обычным раздражённым и слегка презрительным выражением лица и молчит.

Возникшая пауза может означать что угодно. Он рассердится, закричит, изругает по-всякому. Или бросит деньги в лицо и молча укажет на дверь. Или просто укажет на дверь.

Или начнёт отшучиваться до последнего. А то и бутылку об голову разобьёт – в студенческие годы Вадим это сделал с одним собутыльником. Отделался условным сроком.

– Бери, бери, – как ни в чём не бывало говорит Вадим и кладёт на стол жиденькую пачку 500-рублёвок. – Я бы и сам отдал. Я ж так, проучить его хотел. Потому что нельзя быть таким дятлом. Просто вредно. Может, хоть чему-то научится.

– Наш-то Саня? Вряд ли. Если уж супруга до сих пор не научила, – я пересчитываю деньги. – Шесть тысяч – это всё?

– Тысячу – мне, за представление. И за урок. Не смотри на меня так, я всё равно уже потратил. Дядьку помянуть.

– А что с ним? – сообразив, что глупый вопрос, поправляюсь: – Давно умер?

– Да вчера. Прямо в больнице.

– А что с ним случилось?

– Заболел чем-то. По городу какая-то зараза ходит.

– Грипп? Вроде рано для гриппа?

– Да шут её знает. Свиная чума или ещё что-то. Старики как мухи мрут, и все остальные, у кого здоровье слабое. Ну, вас там в вашей цитадели это, наверно, не касается.

Киваю, нагнав на себя понимающий и суровый вид. Прячу деньги.

– Ты прямо сама доброта, Женя. Охота тебе с этим недоумком всю жизнь нянчиться? На фиг тебе это надо?

– Не знаю, – честно говорю я. – Хобби такое, что ли.

– Бывает. У каждого чинаА бывает всячинаА, – наставительно произносит Вадим. – Ещё говорят: каждый сходит с ума по-своему.

– Умную вещь сказал? Молодец.

– Я тебе скажу умную вещь. Не то, что сильно умную, но тебе будет интересно. Этот дятел мне сказал, что Алька замуж выходит.

И опять я не вздрагиваю. Только спрашиваю:

– Когда?

– У Сани спрашивай. Подробности не знаю. Ты всё равно сейчас к нему.

– Ну.

– Баранки гну. Заходи ещё.

– Ты бы в пьяном виде не играл с оружием. Доиграешься ведь.

– Ну доиграюсь и чего? Тебе жалко будет?

– Кого – тебя? Да на фиг ты мне нужен. Будь здоров.

Когда выхожу прочь, слышу шорох под ногами. Вот тут не могу сдержаться – подпрыгиваю. В голове проносится строчка из хорошего фильма: «Мышей она боялась с малолетства...»

По-моему, единственное, чего я боюсь. Темноты, зубных врачей – не боюсь. Мёртвых – не боюсь. Дать человеку кулаком в морду – не боюсь. Получить в ответ – тоже нет.

Вот что значит – быть неформалом на Больничке.

У нас была небольшая тусовка. Тусовка смертников. На-

деть чёрную футболку с логотипом рок-группы, сделать «ирокез» или просто открыто признаться, что, например, любишь группу Iron Maiden – то же самое, что прыгнуть с пятого этажа. Если повезёт – выживешь. Даже не сильно покалечишься. Если повезёт.

Неформалов били, не глядя на возраст, пол и врождённые заболевания. Поэтому мы держались вместе и всегда были готовы драться – или убежать.

Так странно вспоминать... Это было очень давно. Тусовки давно нет. Те, кто выжил и не был покалечен, состригли длинные волосы, сняли косухи, отложили гитары, устроились на работу, разъехались, женились и вышли замуж. Вадик, Саня и Алька – вот и все, кто остался здесь.

Люблю иногда надеть старые шмотки и прогуляться по Больничке. Прежние враги тоже повзрослели. Если узнают – снисходительно кивнут.

Они победили. Неформалов на Больничке давно нет. Неформалов старой формации: панков, металлюг, хиппанов. Вымерли, как динозавры. Зато уличная шпана в бандитских кепках и растянутых спортивных костюмах и не думает вымирать.

Быдло всегда одинаковое. Меняются лишь вольнодумцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.